

КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ И НАУЧНОСТИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ЗНАНИЯ

О. Я. Муха

Статья поднимает вопрос о критериях истины в постмодернистской философской практике, обращаясь к классическим и неклассическим способам ее определения. Характеризуя специфику постмодерна через отсутствие универсального повествующего языка и процедуры традиционной легитимации знания, автор ставит проблему идеала научности и его современных трансформаций. Две главные тенденции отношения к истине характеризуются в ключе понятий «воля к истине» и «забота об истине», а также определяются специфические критерии истинного в постмодернизме: социально-операционный, социально-политический и эстетический.

Вопрос об истинности: палитра философских ответов

Сама постановка вопроса о критериях истинности и понятии истинности вообще в контексте постмодернизма вызывает неоднозначную реакцию. С одной стороны, такая ситуация спровоцирована критикой постмодернистами всей до-современной истории познания истины, которую они считают большой «историей икон» — эпохой длительного заблуждения. С иной — сам постмодернизм признают радикально демократичной парадигмой: он безгранично плюралистичен. Часто это связывают с поверхностностью подхода или равнодушием в оценивании, однако здесь более корректно говорить об осознании обязательной и безоговорочной ценности различных концепций и проектов.

Вместе с тем, принимая подобную позицию (чем грешит, к примеру, культурология), мы сталкиваемся с новой опасностью: любые квазинаучные теории, псевдоконцепции, паранаучные спекуляции без обоснования и достаточной аргументации могут претендовать на равенство и значимость.

Наконец, в современных условиях, когда новое знание зачастую возникает и оформляется на стыке двух и более научных дисциплин, существует тенденция отбрасывать любые формы регламентации. Особенно бурно этот процесс происходит в эстетике и «новосозданных науках» — культурологии, психолингвистике, теории коммуникации и других: постмодернистская наука отличается многообразием правил языковых игр, их экспериментальностью, машинностью, антидидактичностью. Здесь, соответственно знаменитому выражению, корень превращается в корневище, нитка — в ткань, искусство — в лабиринт, причем как смысловой, так и формальный.

От классического *conformitas seu adaequatio intentionalis intellectus cum re* до настоящего времени понятие истинности претерпело ряд существенных изменений. Направленные в адрес рационализма обвинения в ограниченности и потребность в расширении его пределов получили закономерный ответ в постмодернистской философии. Огромным плюсом этой методологии следует считать отказ от бинарности, строгого разделения на противоположности, что делает невозможной «зеркальную теорию познания». Из классических теорий понимания истины — корреспондентской, авторитарной, эмпирической, теории истины как очевидности, а также семантической — в современных научных дискуссиях учитывается только последняя, что в значительной степени связано с введением запрета на определение понятия истины в рамках данной теории и требованием построения метатеории, которая задавала бы условия исходной. Но и здесь критерий материальной адекватности искомого определения остается значимым звеном (Альфред Тарский)¹. Уже в 30-е гг. XX в. под влиянием Венского кружка распространилось мнение, что само понятие «истина» следовало бы исключить из научной картины мира. Однако, благодаря теории Тарского, вопрос истины вернулся в перечень актуальных и значимых проблем современной ему методологии науки.

Кроме классических, выделяют еще и ряд неклассических теорий понимания истины: конвенциональную (результат соглашения); прагматическую (критерий эффективности и успешности) и когерентную (как свойства согласованности знаний в определенной системе). Несмотря на их «неклассический» статус в методологии науки, они оказываются более адекватными для современного научного процесса: так, больше доверия вызывает ученый, подавший заявку на грант с мотивационным письмом, утверждающим эффективность и рационализацию производственных или исследовательских процессов, к которым он должен прийти в результате, нежели тот, кто претендует на открытие «истинных источников» чего-бы то ни было.

В относительно замкнутых системах, коими являются многие профессиональные сообщества, понятие «истина» является если не конвенциональным, то по крайней мере перформативным, что означает, что все происходящие от понятия «истинно» слова являются не более чем перформативами в рамках теории речевых актов. Значительный вклад в понимание и разработку такого подхода сделан П. Ф. Стросоном, профессором метафизической философии Оксфордского университета и одним из ярчайших аналитических философов XX в. Однако его попытки построить онтологию на основе лингвистического анализа, обращение к «глубинному» анализу обыденного языка², отождествление структуры языка и структуры мира, обоснованное успешностью коммуникативных практик человека, возвращение интереса к понятиям «значимости» и «истинности»³

¹ *Tarski A. The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research. 1944. Vol. 4. N. 3. P. 341–375.*

² *Стросон П. Ф. Грамматика и философия // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 18. С. 168.*

³ *Он же. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / В. Н. Брюшинкин, В. А. Чалый, пер. Калининград, 2009.*

на удивление малопопулярны. Они известны зачастую лишь в сфере философии языка и явно недостаточно применяются в широкой философской практике.

Зато дефляционная теория (концепция избыточности), утверждающая излишество понятий «истинный» и «истинно» в любом познавательном процессе, активно разрабатываемая А. Айером и М. Даммитом⁴, находит свое развитие и прикладное использование в постмодернистской философской практике. В таком случае концепции истины устанавливают правила употребления понятия при разворачивании самого процесса исследований, что настолько изменяет сущность понятия истины, что оно становится *лишним*: истинность некоего предложения — это его утверждение, а ложность — его простое отрицание, и не более. Кроме того, таким образом понимаемые «истинность» и «ложность» крайне контекстуальны и пребывают в абсолютной зависимости от актуального процесса. То есть адекватность, тождественность, правильность как вписываемость в определенную объективную систему в данном случае не работают. Основное изменение касается собственно представления об объективности и объективном (С. Тулмин). Пытаясь найти компромисс между релятивизмом и абсолютизмом, С. Тулмин и А. Джонсен возродили условие причинности в практической аргументации, что, собственно говоря, получило широкое применение в постмодернистических практиках⁵.

Истина теряет главное — свой объективный статус задолго до формирования постмодернизма. Так, уже у С. Кьеркегора это определенное психическое состояние субъекта. Баденская школа неокантианцев понимает истину как нечто, что «не существует, но значит». Н. Гартман называет истинной «спекулятивный идеальный конструкт» и т. д. Истина более не является никаким приближением к познаваемому объекту или его идее, «отражением» или же «образом-проекцией». На место познания становится интерпретация. С этой точки зрения, истина в ее классическом понимании «мертва», т. к. закончена, зафиксирована, представляет собой уже «финальный продукт», не предполагающий вписывания в контексты.

С одной стороны, этот принцип интерпретации можно было бы использовать, опираясь на понимание истины как конвенции, но в постмодернизме истина рассматривается как совокупность правил, имеющих значение не для определенного научного сообщества или эпохи, а только для отдельно взятого субъекта, который может согласовать их исключительно с типом дискурса. Но и здесь познающий субъект не является решающим звеном структуры гносеологической ситуации, поскольку имеет место определенная самоорганизация нелинейной среды. Дискурсивность владеет потенциалом самоорганизации, хотя и может проявляться как хаос и часто демонстрирует склонность к случайным флюктуациям.

⁴ См.: Айер А. Я мыслю, следовательно я существую / Т. А. Дмитриев, пер., прим. // Логос. 1996. № 8. С. 44–51; а также: Даммит М. Что такое теория значения // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 127–212.

⁵ Jonsen A. R., Toulmin S. E. The abuse of Casuistry: a History of Moral Reasoning. L., 1988.

Проблема качества, научности и квазинаучности в гуманитарных дисциплинах

Очередной проблемой является нивелирование официального статуса знаний в информатизированном обществе. Специфика ситуации постмодерна состоит в отсутствии как универсального повествующего метаязыка, так и процедуры традиционной легитимации знания. Научное знание рассматривается как своего рода язык — предмет исследования лингвистики, теории коммуникации, кибернетики, машинного перевода. Между литературным (художественным) и теоретическим (философским ли, или естественнонаучным) текстом нет никаких различий: «...сам принцип разделения между языком серьезным и несерьезным первично оказывается ошибочным»⁶. Кроме того, правила «новорационалистических игр» изменяются под влиянием компьютерной техники: как процесс творения (в том числе вопросы авторства), так и способ распространения знаний подлежат существенным изменениям.

Примечательным примером к этому тезису является феномен Википедии, где автором может быть кто угодно, и уровень верифицируемости предоставленной информации заведомо невысок, но тем не менее для младшего поколения студентов вопрос о правомерности использования подобного *открытого* источника несуразен. В дискуссиях по поводу наступивших изменений в сфере обучения давно поднимался вопрос об эффективности такой формы, как реферативная работа. Представители так называемой старой школы предпочитают считать, что эта форма стимулирует обучающихся к анализу литературы и выработке эйдетических навыков у студентов. Коллеги из младшего поколения утверждают, что реферат как форма обучения изжил себя в силу доступности и открытости информационных потоков. На самом деле вопрос эффективности реферативной формы работы лежит в сфере контроля над ее качеством, а именно верификации относительно выполнения поставленных к работе требований. Задание дидактически не работает, потому что преподаватель и студент пребывают в разных плоскостях интерпретации задания: первый редко берет на себя труд проверить работу на плагиат, тем более что в современных условиях данный трудоемкий процесс требует тщательности и корректности исполнения. Студент же зачастую не обладает достаточными представлениями о том, что является плагиатом, и не осознает уровня ответственности (который у него порой вовсе отсутствует), поэтому совершенствуется лишь в поиске материалов в Сети. В результате та же проблема встречается потом в работах аспирантов, кандидатов и докторов.

Острое звучание эта некогда латентная ситуация приобрела в административно-политических кругах: случаи министра обороны Германии Карл-Теодора цу Гуттенберга, губернатора Кировской области Никиты Белых, даже обвинения в плагиате, выдвинутые против вице-президента РАН экономиста Александра Некипелова, — лишь самые нашумевшие из последних прецедентов. В образовательной сфере ситуация значительно серьезнее. Автору не известны результаты исследований в российских реалиях, но предоставленные кандидатом технических наук О. И. Кузьменковым данные по США представляются

⁶ Усовская Э. А. Постмодернизм: учеб. пособие. Минск, 2006. С. 38.

вполне релевантными и для сегодняшней России: «В штате Виржиния, например, 80% студентов университета и колледжей признались в сетевом плагиате, совершенном ими по меньшей мере хоть однажды. А 90% опрошенных полагают, что плагиаторов либо никогда не вычислят, либо не накажут соответственно проступку. Однако 122 таких студента университета были отчислены за сетевой плагиат»⁷. Полагаю, ситуация в штате Виржиния с 2003 г., когда была опубликована данная заметка, изменилась с широким использованием антиплагиатных технологий⁸. В отечественной гуманитаристике проблема сетевого плагиата лишь начинает разворачиваться в полную силу.

Эта проблема отнюдь не является исключительно технической, так как наглядно демонстрирует размытость критериев научности в современном гуманитарном знании. В естественных и точных науках ситуация существенно проще, поскольку там зачастую присутствует возможность экспериментальной проверки, тем самым бодрийеровский концепт симуляции становится знаковым определением эпохи постмодерна. Безусловно, неточности и ложные факты и сведения всегда имели место в науке в результате некомпетентности, зависти, желания славы или наживы, карьеризма, а иногда и объективных причин: права на погрешность или ошибку. «Но актуальная ситуация кажется все более близкой к критичной, когда в “научной работе” происходит сущностная подмена понятий: интерпретация = фальсификации, выборка = подтасовке, научный статус = злоупотреблению доверием, компиляция = анализу, плагиат = ненормальной норме, фанатизм и необоснованные безумные предположения = эвристической смелости»⁹. Поэтому результаты работы социальных и гуманитарных наук часто подвергаются обструкции или оцениваются как сомнительные достижения.

Формирование нового идеала научности в противовес старому (фундаментализм, чистая истина, интернализм, теоретико-научный редукционизм) происходит пока от противоположного, подразумевая антифундаментализацию, особенно в аксиологическом плане; плюрализацию вместо чистой истины; экстернализацию и учитывание социокультурных факторов; а также методологическую автономичность. Спорность в определении и некая размытость самих этих постулатов создают благодатную почву для распространения квазинаучных, или, как выразился в своем докладе А. В. Кезин¹⁰, паранаучных феноменов. Сама проблема демаркации науки и квазинауки в постмодернистском толковании принимает форму абсурдного вопроса: астрология, уфология, алхимия, которые традиционно относятся к квазинаукам, или же мичуринская биология как продукт идеологии¹¹ по строгости экспериментального обоснования и особенно интер-

⁷ Кузьменков О. И. Проблемы сетевого плагиата // Ресурс: <http://library.by/shpargalka/belarus/007/657.htm> (дата обращения: 31. 12. 2011).

⁸ См. программы: www.prated-sites.com; <http://www.antiplagiat.ru/>, система PLAGIATINFORM.

⁹ См. подробнее: Муха О. Я. Постмодернистская методология и религиоведение // Современное социально-экономическое развитие: проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции (Волгоград, 7–8 мая 2010 г.) / Р. В. Шкода и др., ред. Волгоград, 2010. С. 61–65.

¹⁰ Кезин А. В. Идеалы научности и паранаука // Ресурс: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000056/index.shtml> (дата обращения: 31. 12. 2011).

¹¹ Леглер В. А. Идеология и квазинаука // Философские исследования. 1993. № 3. С. 68–82.

претативных практик мало отличаются от нарративного анализа, психоанализа, культурологического анализа.

Поскольку исходящей позицией постмодернистской методологии является так называемое постметафизическое мышление, которое решительно и четко откачивается от самой возможности построения единой концептуальной системы мира, постольку стабильность, целостность и системность в качестве необходимых критериев научности познания вовсе отбрасываются. Как считает Ж.-Ф. Лиотар, любая общепризнанная мысль или концепция должна рассматриваться как опасность — принимая их на веру, человек тем самым дает согласие на поглощение своего сознания очередной системой метарассказов — «буржуазной системой ценностей». Современная (постмодернистская) наука, таким образом, становится «поиском нестабильности»: «Представление, которое можно вынести из этих (и многих других) исследований, состоит в том, что преимущество непрерывной производной функции как парадигмы познания и прогноза находится на пути к исчезновению. Интересуясь неопределенностями, ограничениями точности контроля, квантами, конфликтами с неполной информацией, “fracta”, катастрофами, прагматическими парадоксами, постмодернистская наука строит теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, несладкого, парадоксального развития. Она меняет смысл слова “знание” и говорит, каким образом это изменение может происходить. Она производит не известное, а неизвестное. И она внушает модель легитимации, не имеющую ничего общего с моделью наибольшей результативности, но представляющую собой модель различия понимаемого как паралогия»¹². Эта новая модель предполагает новое понимание природы и свойств истинного, которое мы намерены далее рассмотреть.

Место, свойства и критерии истины в постмодернизме

Для постмодернизма как глобального явления в философии и культуре свойственен глубокий протест против всего универсального — метанарративы вредны, они всячески угнетают человека и тормозят любой процесс развития человечества, науки, культуры в целом. Поэтому любая теория, претендующая на статус метанарратива, навязчива, ограничена, жаждет насильственного контроля и упорядочивания, а посему подлежит отрицанию и изгнанию. Главное, чего боится постмодернизм, это понятие *нормы*, а любой метанарратив здесь является оправданием власти, которая эту норму устанавливает. «Закат метанарраций», провозглашенный Ж.-Ф. Лиотаром в «Состоянии постмодерна», предполагает распадение на мозаику локальностей: множественность историй, интерпретаций, комментариев, наук, культур, истин. Все они одновременно равно значимы как элементы, но каждый более значим, чем целое. Потому фоном становится *дискурс*, который никоим образом не следует интерпретировать как принципиальное отсутствие любого упорядочивания, потому что порядок дискурса предполагает регуляцию, контроль и ограничения. Основанием и сущностью всего процесса является игра, рожденная в результате признания соизмеримости, привлечения к диалогу всех включенных позиций независимо от их «статуса».

¹² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Н. А. Шматко, пер. М.; СПб., 1998. С. 142–143.

Хотелось бы обратить внимание на яркое объяснение причин «затмения» истины в эпоху постмодернизма, представленное московским философом В. Ф. Шаповаловым¹³. Согласно его трактовке, современный человек в силу ускоренной темпоральности настолько утратил связь событий, что несется в потоке хаоса, стихийно переключая внимание без возможности осознания целостной картины мира, событий, культуры. В таких условиях важнейшим пороком (или спецификой?) современной культуры становится *забывчивость*. Подобное ощущал каждый человек, имеющий дело с новостным потоком СМИ или пытающийся разобраться в литературе, например на избранную тематику.

Именно эта особенность соотносит нас с понятием истины у древних — «алетейей». Как писал священник Павел Флоренский, слово «алетейя» происходит от древнегреческого «лэтэ» (забывать) и отрицательной приставки «а» (не)¹⁴. Алетейя, таким образом, прямо переводится как «незабываемое»; иносказательно — «то, что не может кануть в Лету». Однако, в понимании Шаповалова, удерживающим истину в сознании в качестве ценности выступает не что иное, как совесть. В реалиях постмодернизма это более чем сомнительный критерий. К примеру, Жиль Делёз, занимающийся метафизикой бытия и в некотором смысле являющийся реинтерпретатором идей Платона, об истине высказывается кратко и емко: «...никогда не чувствовал ни необходимости в таком понятии, ни вкуса к нему»¹⁵.

Итак, в дискурсе постмодернизма присутствуют две главные интенции, имеющие в виду истину, две различные стратегии приближения к ней:

1) *воля к истине* — линейное движение по направлению к истине, векторная направленность, необходимая порядку дискурса, что предполагает «вписываемость» в конкретно-исторические модели;

2) *забота об истине* — истина не является целью, она принципиально процессуальна и в этом изменчивом процессе самодостаточна.

Воля к истине определяется М. Фуко как постулирование истины определенного типа, санкционированного данной культурой¹⁶. То есть более уместно использовать выражение *эта истина*, и давление, которое ощущается в семантической нагрузке выражения неслучайно, поскольку воля к истине действительно оказывает некоторое давление на дискурс, обладая свойством «отсекать» иные возможные версии истины, — что-то вроде оккамовской бритвы в постмодернистском использовании. «Кроме того, эта воля к истине, как и другие системы исключения, опирается на институциональную поддержку: ее укрепляет и одновременно воспроизводит целый пласт практик, таких как педагогика, или таких, конечно же, как система книг, издательского дела, библиотек, таких как научные сообщества в прежние времена или лаборатории сегодня. Но, несомненно, более глубинным образом эта воля воспроизводится благодаря тому способу, каким знание используется в обществе, каким оно наделяется значимостью, распределя-

¹³ Шаповалов В. Ф. Философия. Общение. Человек. Прошлое и настоящее. М., 2011.

¹⁴ См.: Флоренский П. А. Т. I. Столп и утверждение истины (I). М., 1990. С. 17–19.

¹⁵ Бадью А. Делёз «Шум бытия». М., 2004. С. 76.

¹⁶ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / С. Табачникова, пер., сост., коммент. и послесл. М., 1996.

ется, размещается и в некотором роде атрибутируется»¹⁷. Именно в этом институциональном распределении и поддержке Фуко отмечает принудительное действие воли к истине, более свойственной классическому научному мышлению.

Забота об истине категоризирует внутреннюю креативную природу дискурсивности и становится наиболее значимой в постановке вопроса: «Как возможно конституирование знания вообще?» Дискурс оказывается векторно ориентированным как раз в направлении истинности, но никогда не может привести к стабильному результату: «Если исходить из описания научной прагматики, то акцент в дальнейшем нужно ставить на разногласия»¹⁸. Таким образом, провозглашенная истина перестает быть таковой в момент ее провозглашения, т. к. ситуация и дискурс вокруг меняются, и она перестает быть актуальной. Этот радикальный отказ от «наличия истины» не отрицает необходимости ее поиска, но этот поиск, как и неопределенность, нелинеен, непредсказуем, синергичен, отказывается от феномена внешней причины и переосмысливает статус случайности. То есть если воля к истине отсекает, то забота об истине, наоборот, заботится о дискурсе, изгоняя из него власть.

Рассмотрим эти интенции схематично. Предметом гносеологического интереса в постмодернизме являются три контекста концепции «игр истины»: 1) игры истины в отношении власти; 2) игры истины в отношении индивида к самому себе; 3) игры истины как таковые. Эта предложенная Фуко понятийная структура в лаконичном виде содержит базовые положения радикального постмодернистского методологического поворота и позволяет выделить ключевые характеристики и критерии истины в постмодернистской научной парадигме.

Таким образом, характеристиками этой истины будут следующие постулаты:

- 1) отсутствие онтологического статуса;
- 2) процессуальность характера и игровая природа;
- 3) реализуемость исключительно в контексте языковой реальности.

На основании природы *такой* истины можем выделить следующие критерии, придающие некоему положению соответствующий статус:

1) *социально-операционная значимость* (контекст, переносящий нас в открытую систему текста или языковой реальности, актуальной для субъекта рефлексии);

2) *социально-политический фактор* (эффект власти, возникающий в результате когнитивного волевого усилия, а именно через процедуру фальсификации). Таким образом, как указано выше, эта воля к истине будто *заставляет* и насильно влияет на другие дискурсы;

3) *эстетический фактор* (эффект как таковой, заменяющий значение, реальность субъекта). Дух эпохи постмодерна часто апеллирует к эффектности — «эффект реальности», спровоцированный фундаментальным сомнением в онтологической репрезентации действительности и в результате переносящий в семиотическое пространство означиваемого.

Ж.-Ф. Лиотар первым вводит эстетический критерий оценивания постнеклассического знания: «Здесь в дело идут технические приемы. Они изначально служат протезом органов чувств или человеческих физиологических си-

¹⁷ Фуко. Цит. соч. С. 56.

¹⁸ Лиотар. Цит. соч. С. 145–146.

стем, имеющих функцией получать данные или реагировать в зависимости от контекста»¹⁹. Это, в свою очередь, вынуждает переключать внимание с эффективности и результативности на эффект таковых (в силу темпорального давления, фундаментального сомнения и социально-обуславливающих факторов).

Причиной такого появления эстетического на сцене выступает постмодернистская чувствительность как определенный дух времени, которым пронизана вся человеческая жизнедеятельность: от бытовых ритуалов до научной практики. Ее суть в том, чтобы отдавать приоритет интуитивности, ассоциативности, алогичности перед строгой рациональностью умозаключений, которая считается исчерпанной и пришедшей к собственной границе (В. Вельш, И. Хассан, Ж.-Ф. Лиотар). Гиперреальность, основанная на чувствительности, конституируется «по ту сторону истинного и ложного, по ту сторону эквивалентного, по ту сторону рациональных различий»²⁰ и предъявляет к «истине», как видим, совершенно иные требования.

Ключевые слова: постмодернизм, истина, критерии истинности, классические теории истины, неклассические теории истинности, научность, идеал научности, критерии научности, квазинаучность, плагиат, сетевой плагиат, дискурс, забывчивость, воля к истине, забота об истине.

CRITERIA OF TRUTHFULNESS AND THE SCIENTIFIC QUALITY IN POST-MODERN KNOWLEDGE

O. MUCHA

(National Drogomanov Pedagogical University, Kiev, Ukraine)

This article examines the criteria of truth in post-modern philosophy, taking into account the ways it is defined in both the classical and non-classical traditions. Specific to post-modern philosophy is the absence of a universal language of narration and the traditional methods in which knowledge is recognized as legitimate. Basing himself on these concepts, the author examines the problem of the ideal of scientific quality and the transformations this idea has undergone in contemporary philosophy. Truth is understood basically through two means which govern our relation to truth: the will to truth and the concern for truth. These also appear as defining factors of truth in various types of post-modern philosophy: social-operative, social-political, and aesthetic.

Keywords: post-modernism, truth, criteria of truthfulness, classical and non-classical theories of truth, scientific quality, ideal of scientific quality, criteria of scientific quality, quasi-scientific quality, plagiarism, plagiarism on the Internet, discourse, forgetfulness, will to truth, concern for truth.

¹⁹ Лиотар. Цит. соч. С. 107–108.

²⁰ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / А. Качалов, пер. // Ресурс: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 31. 12. 2011).